

Обоим братьям пришлось до конца отыгрывать роль дружной семьи за этой трапезой. Цзи Вэйцю чувствовал, как от напряжения у него сводит желудок. Он искоса взглянул на Цзи Су, чьё лицо оставалось бесстрастным, и подумал, что в душе тот, должно быть, презирает его. Цзи Вэйцю холодно хмыкнул про себя: если бы не матушка, кто по доброй воле сядет с ним за один стол?

После еды Сяо Чжо подал лекарство. Цзи Вэйцю, бросив на чашу мимолётный взгляд, сказал:

— Оставьте, выпью, когда остынет.

Вдовствующая императрица неодобрительно нахмурилась.

— Разве можно пить остывшее лекарство? Вся сила из него уйдёт! Пей сейчас же, пока горячее... Посмотри на себя, лица на тебе нет. Кто не знает, ещё подумает, что твой брат-император тебя изводит!

— Матушка, — с ноткой отчаяния в голосе произнёс Цзи Вэйцю, не став уточнять, что так оно и есть. Ему ничего не оставалось, кроме как выпить. Лекарство само по себе было горьким и кислым, но в него ещё зачем-то добавили сладости. Цзи Вэйцю зажал нос и залпом опрокинул в себя горькое варево, стараясь прижимать язык к нёбу, чтобы не ощутить тошнотворный вкус.

Глядя на него, вдовствующая императрица и сама сморщилась, словно съела горький плод.

— Старший, что это с ним? — спросила она Цзи Су. — Почему А Цю пьёт лекарства?

Всё-таки это был её ребёнок. Пусть из-за слабого здоровья его воспитывал старший сын, она всё равно навещала его при любой возможности. И уж конечно, она знала, как Цзи Вэйцю ненавидит лекарства. Он был готов десять дней глотать пилюли, лишь бы не пить семь дней отвары.

— Матушка, — с тем же невозмутимым видом ответил Цзи Су, — у А Цю акклиматизация. По возвращении я велел императорскому лекарю Ху заодно поправить его здоровье.

Только тогда вдовствующая императрица успокоилась и, взмахнув платком, сказала:

— Что ж, тогда пусть пьёт. Редко когда он так послушен. Ай... Пей помедленнее, не поперхнись... Цинси, скорее, принеси сладостей!

Как только Цзи Вэйцю допил лекарство, Цинси тут же поднёс ему блюдо с конфетами. Не глядя, он схватил одну и съел. Следом слуги подали чай и плевательницу для полоскания рта.

Он выплюнул конфету, пропитавшуюся горечью лекарства, и взял новую.

Он не знал, что это за лекарство. Обычно он принимал снадобья по утрам, а не в обед. Но раз уж принесли, он не стал спрашивать. Какая разница? В худшем случае — смерть. Он уже слышал о ядах, которые убивают медленно, заставляя угасать. Что ж, это даст матушке время свыкнуться с мыслью о его смерти. Тоже неплохо.

Видя его состояние, вдовствующая императрица попыталась его успокоить:

— Лекарство, прописанное лекарем Ху, непременно поможет. Потерпи несколько дней, чтобы хворь не укоренилась.

Цзи Вэйцю кивнул. Он уже хотел было что-то ответить, утешить матушку, как вдруг его лицо побелело. Лекарство неудержимо подступило к горлу. Он отвернулся, чтобы его не стошнило, и слуга тут же подставил плевательницу. В неё изверглось всё, что он съел за обедом.

В зале распространился неприятный запах.

Лицо вдовствующей императрицы побелело. Отбросив платок, она бросилась к сыну. Выражение лица Цзи Су было далеко не самым приятным.

— Позвать лекаря Ху, — приказал он.

Цзи Вэйцю, опустошённый, выглядел так, будто его только что вытащили из воды — бледный, весь в холодном поту. Вдовствующая императрица, обнимая его, в панике воскликнула:

— Быстрее! Скорее зовите! А Цю, А Цю, что с тобой? Не пугай матушку!

Желудок Цзи Вэйцю скрутила острая боль. Он взглянул на Цзи Су, но тут же безразлично отвёл глаза. Положив руку на плечо матери, он с кривой улыбкой проговорил:

— Матушка, всё в порядке. Я просто слишком быстро выпил. Это лекарство такое отвратительное...

Видя, что он ещё пытается шутить, но понимая, что дело серьёзное, вдовствующая императрица в сердцах шлёпнула его по спине:

— Ещё и смеёшься! Не смей! Сиди смирно! Жди лекаря!

Она повернулась к слугам и приказала:

— Быстрее! Неважно, какой лекарь свободен! Ведите любого!

Императорский лекарь Ху появился быстрее, чем можно было ожидать. Едва вдовствующая императрица отдала приказ, как его уже ввели под руки несколько молодых евнухов.

— Не нужно церемоний, — сказал Цзи Су. — Осмотрите его.

Лекарь Ху, увидев мертвенно-бледное лицо Цзи Вэйцю, даже не стал доставать подушечку для запястья. Он схватил руку князя и принялся прощупывать пульс. Вдовствующая императрица, затаив дыхание, ждала. Прошло немало времени, но лекарь молчал.

— Ну что там? — не выдержала она.

Лекарь Ху ещё немного подержал его руку, а затем вынес вердикт:

— Расстройство от еды.

Глаза вдовствующей императрицы, так похожие на глаза Цзи Су, округлились. Она недоверчиво посмотрела сначала на младшего сына, затем на старшего, который стоял с видом «я так и знал», и снова уставилась на младшего:

— ...Ты!

Цзи Вэйцю с улыбкой вскинул брови.

— Я же говорил, что просто слишком торопился. Матушка, не волнуйтесь. Я живу у брата-императора, разве он может обо мне плохо заботиться? Вот только книг для чтения он мне задаёт слишком много. Матушка, может, уговорите его давать мне поменьше заданий?

В этот момент вдовствующая императрица разлибила своего младшего сына.

— Слушайся брата, — отрезала она.

Цзи Вэйцю понурился. Видя его расстроенный вид, она не сдержала улыбки и обратилась к Цзи Су:

— Ладно, старший, освободи его от занятий на сегодня! А ты ступай в боковые покои и переоденься, от тебя разит!

Цзи Вэйцю откланялся. Вдовствующая императрица проводила его взглядом и только потом повернулась к Цзи Су.

— Он неразумен, — со вздохом сказала она. — Но ты старший брат. Воспитывай его как следует, я тебе мешать не стану.

— Слушаюсь, матушка, — ровным голосом ответил Цзи Су.

— И ты будь внимательнее, — мягко добавила она. — Ты с детства был себе на уме, и я не хотела тебя ограничивать. Но если ты не будешь осторожен в этом деле, то, пусть ты и император, я найду способ тебя наказать.

— Слушаюсь, матушка, — покорно склонил голову Цзи Су.

Вдовствующая императрица потёрла виски. Этот её старший сын непонятно в кого уродился — с детства был как запечатанный кувшин. Раздражённо вздохнув, она отправилась проведать Цзи Вэйцю.

Войдя в боковые покои, она увидела, что тот уже переоделся. Рукава его одеяния были закатаны, а на предплечьях виднелись тончайшие золотые иглы. При виде этого сердце вдовствующей императрицы сжалось от боли. Она знаком велела Цзи Вэйцю не вставать и села рядом. Прождав почти полчаса, пока закончится процедура, и внимательно выслушав наставления лекаря Ху, она отослала всех и, вытерев слёзы, холодно спросила:

— О чём ты вчера говорил с тем стариком у лотка?

Цзи Вэйцю замер. Желудок снова свело от боли.

— Матушка?! И вы мне не верите!

— Дело не в том, что я тебе не верю, — мягко ответила она, пристально глядя на него. — Просто вчера произошло слишком много событий. Ты же знаешь характер своего брата. Неужели он без причины так бы на тебя разгневался?

— Да что я мог ему сказать? — в голосе Цзи Вэйцю звучало отчаяние. — Тот старик, что продавал маски, — это же старик Ван из моего поместья! Вы же его видели! Это гунгун Мин! Он состарился, много лет мне служил, и я даровал ему свободу, чтобы он спокойно жил на покое в моём доме. Ему скучно сидеть без дела, вот он и любит выходить на ночной рынок с лотком. Я увидел его и просто подшутил. Не верите — приведите его сюда и спросите!

— А Цю, — вдовствующая императрица постучала пальцами по столу, — сейчас не время для капризов. Он мёртв.

Цзи Вэйцю вздрогнул.

— Кто его убил?!

Цзи Су убил старика Вана?! За что?! Что такого мог сделать простой старик, чтобы на него обратил внимание сам Сын Неба?! Неужели его убили только за то, что он перекинулся со мной парой слов?!

— Не твой брат, — сказала вдовствующая императрица, по его лицу поняв, о чём он думает. — Когда я узнала и послала людей, он уже был мёртв. Оставил предсмертную записку, в которой писал, что подвёл тебя.

— Кто-то намеренно пытается поссорить тебя с братом. Сделано всё было в спешке, улик много... Но мёртвые не говорят. Твой брат — император, и у него есть свои резоны. — Она вздохнула и с жалостью, через платок, коснулась руки Цзи Вэйцю. — Больно? Лекарь Ху сказал, что у тебя от сильного гнева разболелся желудок. Ты вчера очень расстроился?

Она нежно провела рукой по его щеке.

— А Цю, тебе скоро двадцать. Пора браться за ум. Нельзя во всём полагаться на Син Бо. Он всего лишь твой верный слуга и у него тоже есть свои страхи. Вчера в твоём поместье нашли императорское облачение, нефритовую печать и письма изменников. Твой брат всё это скрыл. Если вы с ним поссоритесь, то попадёте в ловушку врагов.

Цзи Вэйцю замер. Императорское облачение, печать, письма? Первой его мыслью было: «Какой идиот это подстроил? Кто в это поверит?!» Он же всё время на виду у Цзи Су, зачем ему прятать такие вещи?! Чтобы умереть побыстрее? Это же очевидная подделка! Но тут он понял, почему матушка назвала это «открытым заговором».

Так называемый «янмоу» — это когда тебе прямо говорят: «Да, это подстава, это фальшивка», а потом спрашивают Цзи Су: «А ты веришь? Ты веришь, что у князя Жуя нет ни малейшего злого умысла?»

Стоит Цзи Су хоть на миг усомниться, стоит ему хоть как-то отреагировать, и это отразится на Цзи Вэйцю. И тогда Цзи Вэйцю, который ничего не делал, окажется под подозрением собственного брата. Как тут не возникнуть раздору?

А где раздор между братьями, там и выгода для других.

Цзи Вэйцю пробрал холод. Так вот зачем вчера приходил канцлер Гу. Он докладывал Цзи Су именно об этом. Поэтому после его ухода у Цзи Су было такое странное выражение лица. Поэтому, когда он попросился погулять, реакция брата была такой непредсказуемой, и поэтому он так внезапно набросился на него в карете... Так вот что произошло.

Он долго молчал, а потом хрипло спросил:

— Брат-император не винит меня?

Императорское облачение, печать, письма... любой из этих предметов, найденный в его поместье, давал Цзи Су полное право казнить его, и никто из придворных не посмел бы возразить.

Даже без всего этого, убить его было проще простого.

Цзи Вэйцю медленно прокручивал в голове вчерашние события. Так почему... почему Цзи Су вчера спрашивал его?

Он не боялся, что тот и вправду сговорился с мятежниками? Не боялся, что у него действительно были злые намерения?

— Твой брат, конечно, винит тебя. Ты ничем не занят, а не можешь уследить даже за своим маленьким поместьем. Позволил подбросить такие опасные вещи и даже не заметил. А если в следующий раз кто-нибудь донесёт на тебя на утреннем приёме, что ему тогда делать?

Вдовствующая императрица с нежностью погладила его по щеке и, прижав к себе, заплакала.

— Бедный мой А Цю. Твой брат сказал, что у тебя просто акклиматизация, но разве от этого пьют такие лекарства? Мне жаль тебя, и жаль твоего брата. Такие дружные были братья, а эти злодеи так вас ссорят.

— Цинси вам сказал, что я здесь? — пробормотал Цзи Вэйцю.

Вопрос был риторическим. Кто ещё, если не Цинси? Он сегодня удивлялся, почему матушка, которая никогда не вмешивалась в дела старшего сына, вдруг ворвалась во дворец Ясного Покоя с таким видом, будто собирается поймать там любовницу императора. Неужели во дворце опять завелись предатели?

Неважно, кому он сообщил — вдовствующей императрице или кому-то ещё, — разглашение сведений из дворца Ясного Покоя было предательством.

...И что это значит?

Ему дают шанс отступить?

Говорят ему, что во всём виноват он сам, а его старший брат проявил великодушие, и теперь он должен не злиться, а пасть ниц в благодарности?

А если он откажется? Что тогда?

<http://bllate.org/book/16115/1587542>